

5+!

*Альманах издается
объединением «Юный журналист»*

ДДЮТ г. Владимира

№ 37 2021год

Альманах № 37 2021 год

Издается объединением «Юный журналист» ДДЮТ г. Владимира

Редактор: Лидия Васильева

Редакционная коллегия: Вадим Хвалов,
Светлана Пономарева, Анастасия Ковальчук.

Дизайн: Иван Сеницын

Наш адрес: г. Владимир, ул. Мира, дом 8.
Дворец детского (юношеского) творчества

Использованы интернет-ресурсы

**Альманах «5+!» продолжает публикацию работ победителей
и призеров городского литературного конкурса
«От сердца идущие строки» - 2021**

Моя прабабушка по маминой линии, Анна Ивановна Селиванова, в двенадцать лет потеряла отца, ушедшего на фронт и без вести пропавшего в 1943 году.

На протяжении всей войны бабушка занималась непосильным на лесосплаве и лесоповале на Урале. С девочками, чуть старше ее, валили лес из огромных хвойных деревьев! А потом, сплавляли лес по реке, находясь по пояс в воде. Все для победы! Двести граммов черного хлеба – паек на день. За отказ от работ, даже в таком юном возрасте, дети попадали под военный трибунал.

Однажды бабушка, проехав тайком в грузовом составе, с таким же маленьким мальчиком, предстала перед судьей. Рассказала всё как есть. Судья, увидев хрупкую девочку, не выдержал и отменил адские лесные работы. Бабушку отправили в колхоз, где она продолжала трудиться в ожидании Победы.

К сожалению, бабушки уже нет среди нас. В альбоме остались фотографии и медали. А в наших сердцах – бабушкины рассказы. Мы обязательно издадим о них отдельную книгу, в нее войдет и стихотворение «Ей было всего двенадцать»

Варвара Субботина, 6 класс, школа № 10

Ей было всего двенадцать (памяти бабушки)

...Ей было всего двенадцать, когда началась война.

Стройна и улыбчива. Не по годам умна.

До пояса косы, одежда опрятна, скромна.

Умела и сено косить и по дому успеть она.

Сестрёнкам – как мать, а для матери – лучшая дочь!..

Лишь Аннушка сможет вдове по хозяйству помочь.

Вот канул отец. Пришла похоронка в семью.

А брата на флот отослали на всю войну.

..Любила учиться она, но уже не пришлось.

Семью раскидало. И все оказались врозь.

Безумные страшно военные трудодни!

Нам всем не понять всех бед той далёкой родни.

Сибирский мороз – а девчонки – в лесу, в снегах

Валили деревья! А дальше весна. Лесосплав.

То адский был труд. И ни отдыха, ни тепла.

Лишь корочка хлеба ржаного с собою была.

Работники тыла. Звучит не героически сейчас.

Но эти девчонки стояли в войну за нас.

....Я слушала и удивлялась, не понимая: КАК?!

А мы и с дробями не справимся что-то никак!

Тепло, интернет, машина, игры и сытный обед!

Как всё изменилось за семьдесят с лишним лет!

*Варвара Субботина,
6 класс, школа № 10*

Награда

Один он выжил из деревни...
Враги сожгли ее дотла.
Его в скитаньях многодневных
Бригада партизан нашла.

Он с ними воевать остался,
И жизнь за Родину отдать.
На все задания вызывался:
Он должен рельсы подорвать.

Он смог в тумане предрассветном
Пробраться сквозь врагов отряд.
Был юрким, смелым, неприметным,
Под рельсы заложил заряд.

Вот показался паровоз,
Набитый доверху пехотой.
Раздался взрыв – и под откос
Летела вражеская рота.

Он, выполнив свою задачу,
Через обломки перелез.
Разжившись «языком» в придачу,
Вернулся к партизанам в лес.

Его встречали как героя:
Он за деревню отомстил.
И командир, свой взвод построив,
Его медалью наградил.

Денис Васькин, 11 класс, школа № 10

Никогда больше!

– А Бога нет?
– Нет, друг. Конечно, нет.
Если б он был, разве он
допустил бы то, что я видел
своими глазами?
Эрнест Хемингуэй.

Это рассказ о войне, какой она была на самом деле: грязной, кровавой, бесчеловечной...

Война – это не только героизм и мужество солдат, но и трагедия плена, нечеловеческие страдания и жертвы мирного населения.

Озаричи... Что отзывается в каждом из вас, когда слышите это слово? Для моей семьи – это леденящий ужас, невыносимая боль, удушающий страх и смерть, много смертей, очень много...

Я хочу поделиться воспоминаниями моей прабабушки – Риммы Николаевны, которая пережила войну и назло врагу выстояла, не сдалась.

«Помню было темно и страшно. Выл ветер. За окнами лай собак, крики, плач детей и женщин, автоматные очереди. В дом ворвались люди в черной одежде. Приказ: «Всем на выход! Эвакуация! С собой ничего не брать! Быстро! Быстро!»

Ничего не успели взять, только потеплее одеться. Мама схватила платки и одеяла, обвязала нас детей. На улице темно и холодно. В воздухе весенняя сырость. Слышно много голосов, но от страха ничего невозможно разобрать. Нас всех собрали и толпой куда-то погнали. Этот путь казался мне бесконечным. Очень хотелось спать, а ещё больше пить и есть. Днем потеплело, дорога растаяла, теперь идти было совсем невозможно. Мне восемь лет, грязь по колено. В голове одна только мысль: «Не потерять сапожки». Всю дорогу мама несет на руках моего младшего братика, ему тогда едва исполнилось три года. Сил не было, но она ни на минуту не выпускала малыша из рук. Тех, кто выбивался из строя и садился на обочину, расстреливали. Не жалели даже младенцев. Я крепко держу старшего брата за руку, боюсь отстать. Он тоже уже без сил, ведь ему всего двенадцать лет, но он не выпускает наши с сестрой ладошки из своих рук, тащит нас по этой непроходимой грязи и молчит. Все молчали. Безмолвно шли по дороге смерти...

К вечеру следующего дня, вдалеке, мы увидели вышки и огромную территорию, огороженную колючей проволокой. Дошли. Живые. Это было уже счастьем, как нам тогда казалось. Зря. Обессиленные дорогой, жаждой, голодом и холодом, мы не понимали куда нас пригнали. Болото. Под ногами липкая холодная грязь. Все деревья и кустарники были вырублены на высоту человеческого роста, подходы к лагерю заминированы. Мы сидели на грязной, холодной земле. Стоять было нельзя-расстрел. Разводить огонь и жечь костры категорически запрещалось. За любое нарушение-расстрел.

Людей убивали целыми семьями, просто так, ради забавы. На моих глазах расстреляли женщину и ее четверых детей только за то, что она хотела наломать веток, чтобы подстелить их своим детям и спасти малышей от холодной смерти.

Немцы пригнали их к яме, в которой уже лежали тела умерших, заставили снять теплую одежду и стоять на морозе и ледяном ветре. Семья покорно выполняла все приказы в надежде на спасение. Никогда не забуду отчаяние, которое билось в глазах матери. Она понимала, что это конец, но дети нет. Они послушно стояли, продрогшие на морозе и тихо плакали. Мать не могла их обнять, согреть и попрощаться...

Нам нельзя было с ними разговаривать. Мы не могли им ничем помочь.

Маленькая девочка, еще совсем малышка, потянула свои тоненькие ручки к матери. Она погибла первая. Мать так и не успела взять ее на руки.

За что? За что они погибли?

Эти зверства продолжались целую вечность. Вечность без еды, чистой воды, на холоде и сырой земле, под постоянным прицелом автоматов. Люди умирали каждую минуту. Кто от болезни, кто от холода, кто от истощения. В болоте валялись трупы и ещё живые, но совершенно обессиленные люди. На их лицах были ужас и отчаяние.

В лагере не кормили. Чтобы не умереть от голода, мы жевали кору с деревьев и хвою. Я на всю жизнь запомнила этот горький, тошнотворный вкус. Чистой воды не было. Сначала ели снег, потом и его не осталось. Трупы не убирались, отхожих мест не было.

Мой старший брат ночью ползком пробирался к колючей проволоке и добывал нам чистый снег и немного воды из болота. За день до нашего освобождения он подорвался на mine. Я этого не видела, но отчетливо помню ужас и нестерпимую боль в глазах мамы. Слез уже не было, как и не было сил бороться, но оставалась надежда. Этим и жили.

Я помню, как мама сняла с умерших рядом людей верхнюю одежду и подстелила под меня с братом, спасая от холодной смерти. По телу ползали вши. Они больно кусались и постоянно хотелось чесаться. Мама запрещала. Тогда я не понимала почему. Сейчас я благодарна ей, она спасла меня от тифа».

Голод, холод, большое скопление больных людей способствовали эпидемии. Она распространялась как пожар. Больше недели люди в лагере не выдерживали и погибали. «Мы пробыли в Озаричах четыре дня. Четыре дня ада, который трудно представить.

Мама потеряла двух сыновей. Мы с сестрой тяжело заболели, долго лежали в госпитале, но выжили. Мама после освобождения прожила десять лет. Она долго и тяжело болела».

Огражденные проволокой конвейеры смерти были созданы фашистами в марте 1944 года для распространения эпидемии сыпного тифа среди войск наступающей Красной армии, и создания живого человеческого щита для отступающих немецких солдат.

Озаричи – это место, где не считали ни жизни, ни смерти. Это крошечный ад, унесший более двадцати тысяч человеческих жизней, большинство из которых только начались.

В памяти моей оживают чудовищные строки из стихотворения Мусы Джалиля:

«Их расстреляли на рассвете,
Когда еще белела мгла,
Там были женщины и дети,
И эта девочка была.
Сперва велели им раздеться,

Затем к обрыву стать спиной,
И вдруг раздался голос детский,
Наивный, чистый и живой:
– Чулочки тоже снять мне, дядя?
Не упрекая, не браня,
Смотрели прямо в душу
Трехлетней девочки глаза.
«Чулочки тоже...?»

Максим Концевич, 7 класс, гимназия № 35

* * *

Немецких речей тихий шепот рычащий
Застывает на сердце подтеками воска.
А немецкий солдат своим взглядом, пронзающим
говорит уходить – потом будет непросто.

Запачканы кровью рукава старой шали,
И кожа бледнее молочного снега.
Но мы здесь, мы на родине, мы убежали!
Лишь подгибаются ноги от быстрого бега.

Россия пред нами будто чужая,
Забыли о мире колосья пшеницы.
Но всё поменяется, наши матери знают –
Не дадим убить доброе небо столицы.

Калечных домов кривоватые стены
Никогда не услышат чуждую речь.
Не увянут цветы нашей юности смелой,
И Россию от смерти мы в силах сберечь.

Елизавета Кожевникова, 8 класс, школа № 42

ХВАТИТ ВОЙНЫ!

Хватит войны! Сложите оружие!
Смотрите, что происходит вокруг:
Люди гибнут не смертью своей,
А от пули, ворвавшейся в грудь.
Сколько не стало на свете людей!?
Хватит войны! Хватит войны!

Семьи рушатся пулей одной.
Дети-сироты по улицам бродят.
Ни дома, ни крыши над головой.
Одни лишь враги по миру с оружием ходят.

Вам мало той Великой Войны?!
Фашистов, рушивших всё на пути?!
Вы помните голод, разруху и страх?
Как мама с войны ожидала
И видела, видела в снах,
Что сына к груди прижимала...

А сейчас, пока мир и покой,
Подумайте: а это ли надо?
Брать в руки ружья и бой затяжной
Вести, нападая на брата.

И пусть километрами разделены,
Знайте, нас тысячи!
Тысячи тех, кто против войны!

Виктория Лебедева, 9 класс, школа № 38

Огурцы

Рассказ

Посвящается Морозову Евгению Георгиевичу, ветерану Великой Отечественной войны.

Женя шел вдоль железнодорожных путей, слегка помахивая ведром. На дне его лежало пять огурцов. Когда ведро совершало дугу покруче, огурцы в нем слегка побрякивали. Эта странная музыка забавляла юношу, и хоть от пятичасовой погрузки побаливали спина и руки, настроение у него было прекрасное. Но разве может быть плохим настроение у двадцатитрехлетнего паренька? Два года как кончилась война. За плечами три с половиной фронтовых года. Да каких! Служил корректировщиком на «катюше! До сержанта дослужился! Много медалей имеет, и среди них – «За боевые заслуги» и «За отвагу»!

И в мирной жизни все вроде бы складывается неплохо: поступил учиться в приборостроительный техникум, уже второй год грызет гранит науки. Все хорошо. Только вот матери нужно помогать: одной ей трудно содержать сына-студента. И Женя старался – подрабатывал где только мог. Вот и сейчас он шел со станции «Серпухов-2», где грузил ящики с огурцами, выращенными на колхозном огороде.

Теплый августовский вечер не торопил юношу к последнему автобусу. Подумаешь, опоздает! Зато прогуляется! Да и что такое семь километров до дома?! Пустяки!

Вдруг где-то совсем недалеко раздались звуки прелестного вальса.

– Это Штраус «На прекрасном голубом Дунае», – радостно подумал Женя. Да, музыку он любил и даже немножечко знал. Потому что был у него прекрасный учитель -просветитель – радио. В те годы классическая музыка часто звучала по радио. Не только музыканты, интеллигенция, разбирались в ней, но и простые люди имели неплохой музыкальный вкус. Оперы и балеты Чайковского знал практически каждый русский!

Женя недоуменно посмотрел по сторонам. Откуда здесь среди железнодорожных путей живой оркестр? Музыка звучала со стороны двух составов, стоящих на соседних путях. Она звучала так призывно, что юноша, не колеблясь, пролез под составами... и оказался перед отцепленным вагоном, одиноко стоящим на запасном пути.

Это был настоящий «пульмановский» вагон! Вагон повышенной комфортности! Только большая часть одной его стены была раздвинута, и юноша оказался... перед сценой! Спиной к нему стоял дирижер. А в середине вагона, обшитого голубым бархатом, на грубо сколоченных табуретках сидели музыканты. Их было человек пятнадцать. Здесь были и скрипачи, и контрабасист, и ударные. И пианист возле прекрасного раскрытого рояля!

Музыканты слаженно играли вальс. Музыка звала кружиться, подпевать, смеяться... Но Женя стоял как вкопанный. Казалось, что его поразила молния. Но нет, это была не молния, а нечто более неожиданное. На инструментах играли пленные немцы.

Таким «столбом» парень достоял до конца музыкальной фразы. Закончив играть, дирижер повернулся к нему лицом (во время игры музыканты глазами показывали ему, что за его спиной что-то происходит) и весело произнес: «Гутен таг, камрад!»

Жене довелось пять месяцев послужить в Германии (до августа 45-го), поэтому немецкий язык он чуть-чуть понимал и даже мог ответить. Но вступать в диалог с пленными у него не было желания.

А немцы увидели на дне его ведра огурцы, и один, самый смелый, просительно сказал:

– Бите, товарич. Витаминик ам-ам, – и показал на свой открытый рот. Юноша удивленно протянул ведро. Пленные с радостью забрали содержимое. А тот, что просил огурцы, окончательно осмелел и попросил принести еще огурчиков. Совершенно ошарашенный, паренек выполнил их просьбу – принес им полное ведро огурцов. Протягивая «угощение», он совершенно неожиданно для себя произнес:

– Вергессен цу вассер. (Не забудьте помыть.)

– Я, я. Данке, данке, – заулыбались немцы.

Женя уже собрался было уходить, как дирижер крикнул:

– Товарич, стой! – и поставил перед ним прекрасный позолоченный стул, обитый малиновым бархатом:

– Бите, – пригласил дирижер учтивым жестом. Парень снова впал в ступор.

– Бите, бите! Что Вам сыграть? Что-нибудь из Штрауса?..

Удобно устроившись на стуле, юноша серьезно произнес:

– Бетховена, бите. Патетическую сонату.

– О! Русские знают Бетховена?

И было в этом возгласе немца столько неподдельного удивления и почтения, что польщенный юноша победно улыбнулся – мол, знай наших! Да, мы не только автомат умеем в руках держать да в земле ковыряться. Мы и в мировой культуре смыслим!

Взмах палочкой – и зазвучала серьезная, прекрасная музыка немецкого композитора. И играл ее в столь странном месте немецкий пианист. Играл только для одного слушателя – бывшего русского солдата старшего сержанта Евгения Георгиевича Морозова, которому было тогда только двадцать три года от роду. И вела его эта музыка по германским дорогам.

Вспоминалась ему страна Германия, лежащая в руинах, и вспоминались ее граждане, глядящие на русских освободителей то тревожно, то удивленно, но чаще неприязненно. И натываясь на такой взгляд, Женя отвечал им тоже взглядом: «Не сам я сюда явился, вы прийти заставили – вот теперь и отвечайте». Юноша тряхнул головой, избавляясь от неприятных воспоминаний.

А далее для него, Жени Морозова, немецкие музыканты играли и Штрауса, и Моцарта, и даже по его просьбе исполнили народный танец «Вальде слюх», которому его в Буркау научила одна веселая немочка.

И не было в этой музыке ненависти.

А была одна ЛЮБОВЬ.

ЛЮБОВЬ К ЗЕМЛЕ. ЛЮБОВЬ К ПРИРОДЕ. ЛЮБОВЬ ЧЕЛОВЕКА К ЧЕЛОВЕКУ.

София Пургина, 8 класс, школа № 15

Небо белое. Падает снег.
Заметет молодого бойца.
Не очнется от тиши и нег
Он. Улыбка не сходит с лица.

Он ушел от проклятых врагов.
Он ушел, но спасенья уж нет.
Разливается алая кровь
На горячий, лишь тронутый снег.

В этом утреннем раннем часу,
Пролежав здесь всю страшную ночь,
Он погибнет у сосен в лесу.
Как другие когда-то. Точь-в-точь.

Он уйдет... но уйдет он не зря.
Знает это солдат наперёд.
Знает он, что однажды заря
Над землёю советской взойдёт!..

Благодатная будет заря,
Небо чистое над головой.
И узрит, с поднебесья смотря,
Тот солдат над Россией покой.

И пусть скажут семье, что пропал
В стороне, поглощенной войной,
Ваш солдат. Ничего. Ведь он стал
Частью мира, Победы святой.

Диана Муталибова, 10 класс. школа № 36

Наше военное детство

Как гром среди ясного неба,
Весь мир облетела молва:
Двадцать второго июня
Началась эта злая война.

«Война» – нет страшнее слова!
Оно как кинжал в груди,
Ведь гибнут невинные снова,
И что ждет детей впереди?

У войны ведь лицо не детское,
Так скажите мне почему,
Почему-то зверье немецкое,
Развязало эту войну?

Кто ответит, что стали взрослыми,
Не по возрасту, не по годам,
Что вдруг волосы стали белесыми,
Поседали быстрее мам.

Где девчонки и где мальчишки,
Той военной, лихой поры?
Вам читать бы за партой книжки,
Вы ж в солдаты скорее пошли.
Вам бы по улицам мчаться,
Смеяться, петь и играть,
Вы ж военные все несчастья
Решили душой принять.

Повзрослели вы не по возрасту,
Повзрослели не по годам,
А так хотелось бы попросту
На фронте обнять своих мам.

И шли вы поступью важной,
Сражались за пядь земли,
И было уже не важно,
Что под Курском многие полегли.

И вы, как сталь, закалялись,
И духом крепчали Вы,
И в плен врагу не сдавались,
И гибли за честь страны.

И мы говорим вам «спасибо»,
Больше войны не хотим,
Даем вам честное слово,
Что хрупкий мир сохраним!

Память

Основано на реальных событиях

Хочу вам рассказать историю одну,
Что сказывала мать о предках из родни.
История горька, не сладкая она,
Задуматься даёт о вере и любви.

Давно, во время царское, свой быт вели они.
В Империи Российской, в Самарской стороне.
Был дом большой у них, семья была большая,
Колодец во дворе, наполненный водой.

Великолепный сад, где запахи витали,
Казалось, до небес был светлый рай такой!
Но вот пришла беда нежданно-нежданно.
Во тьме пришла она, нарушила покой.

– Вставайте! Мы вас всех сегодня забираем!
Всего лишь пять минут на сборы мы даём!
– Так разрешите мне, – сказал отец семейства, –
Напитаться из колодца водицею живой?!
– Ну хорошо, идите, – лишь голос прозвучал.

Он взял свои кресты за доблесть и отвагу,
Что Николай Второй с любовью вручал.
К колодцу подойдя, пустил кресты под воду,
Чтоб не достались им – предателям царя.

Ведь Родина как мать! Ее не выбирают!
И, с ней прощаясь, любят душою, как дитя.
Смиренно, терпеливо главы свои склоняя,

Идет семья в дорогу, на поезд, в лагерь.
Там нет родных домов, нет сада золотого.
Там горестные муки, болезни и печаль.
Последние надежды там голод отнимает
У всех, кто там бывал – детей и стариков.

Прошли те годы ссылки в далёком Казахстане,
И обошла война почти что стороной.
Лишь вера Православная их твёрдо укрепляет,
С надеждою дает вернуться всем домой.

Ура! Мы завтра едем! В дорогу! Уезжаем!
И поезд к дому мчит нас! на Родину! Вперед!!!
Ступив на землю Русскую, мы сердцем замираем...
Вдыхая воздух свежий, от счастья будто мед.

Вот наш заветный двор и узкие тропинки,
Как старые морщинки у деда на лице.
И покосившийся от времени забор...
О ужас! Всё травой, бурьяном заросло.
И дома нет. Лишь стены безмолвно нас зовут
В тот мир, в котором были и радость, и уют.

О, как подрос наш сад за долгие года!
Здесь веет запах детства и юности былой...
И скорби той нежданной, что вдруг пришла сюда,
Нарушив все устои, надежды и покой.

Колодец во дворе стоит живой, как прежде.
До верхнего бревна наполнен он водой.
Друзья мои, на дне забытого колодца
Остались только память, надежды и покой...

Александра Тэвина, 6 класс, гимназия № 3

* * *

Я помню детство...

Помню мамины глаза,

Горящие, как свежая роса.

Я помню детство...

Помню бабушкины сказки,

Ее горячие объятия и ласки.

Я помню детство...

Помню папу за рулем.

Мы мчим куда-то с ним вдвоем.

Я благодарна за прекрасные мгновенья.

За теплоту, любовь, прикосновенья...

За все, что подарил родимый дом!

Счастливейшее детство было в нем!

Анастасия Хренкова, 10 класс, лицей-интернат № 1

* * *

Эта правда – жестока она,

От тебя я ее не ждала.

Я летела к тебе, как волна,

А навстречу мне встала скала.

И разбилась я! Брызги летят.

Но в осколках погибшей волны

И улыбка, и ясный твой взгляд

Многократно отражены.

Эльмира МУХАМЕДЖАНОВА, 10 класс, школа № 36